

Глава 2: Яйца

Ли Жань учился в одиннадцатом классе. Через месяц его ждали выпускные экзамены, а в сентябре он переходил в двенадцатый.

Он не очень разбирался в машинах и до недавнего времени не знал, что такое «Куллинан». Лишь на третий день после переезда господина Чи, увидев его издали, юноша подумал, что и человек, и машина одинаково холодны.

Так он и запомнил их вместе.

Чи Мо совершенно не вписывался в эту улицу.

Он походил на аристократа, с детства жившего на вершине мира и случайно забредшего в шумный квартал. Сдержанный и вежливый, этот человек никогда не смог бы стать здесь своим. Даже его отъезд не вызвал бы ни у кого чувства потери.

Все только и ждали, когда он поскорее уедет.

Пощаравав чужую машину, Ли Жань, конечно, хотел извиниться, но, встретившись взглядом с Чи Мо, а затем сев в «Куллинан» с видом ребёнка, совершившего ужасное преступление, так и не смог выдать из себя ни извинений, ни отказа. Слова застряли в горле.

Водитель «Куллинана», которого господин Чи называл Шэнь Шу, после первых же слов своего начальника вышел из машины, поднял велосипед юноши и отнёс его на общественную парковку, посоветовав пристегнуть его замком, чтобы потом можно было забрать в ремонт.

Ли Жань смотрел, как этот Шэнь Шу, на вид лет двадцати с небольшим, ловко управляет с делами, и никак не мог сопоставить его молодое лицо с тем, как Чи Мо, которому на вид было столько же, холодно обращался к нему «дядя».

Но сейчас это было неважно.

Когда парень сел в машину, его велосипед, прикованный к столбу у мусорного бака, медленно исчезал из вида. Окно автомобиля казалось тюремной решёткой. Ли Жань чувствовал себя несчастнее, чем похищенный злодеями, его лицо омрачила глубокая печаль.

На прошлой неделе учитель задал домашнее задание: несколько учебников и контрольных листов. Подросток добросовестно всё выполнил, и теперь это было всё его достояние, уложенное в чёрный рюкзак.

Он обхватил рюкзак руками, изо всех сил вжимаясь в окно и стараясь занимать как можно

меньше места. Ноги были плотно сжаты, он сидел неподвижно, как статуя. За исключением дыхания, он не издавал ни звука, всем телом прижавшись к двери. Лицо его было повернуто к окну, словно он хотел превратиться в лист бумаги и прилипнуть к стеклу, став невидимым.

Если бы господин Чи сейчас взглянул на него, то увидел бы лишь пушистый, округлый каштановый затылок.

Чи Мо, казалось, понимал, что мальчик напуган до смерти, и не смотрел в его сторону, вместо этого просматривая какие-то контракты.

Ушибленный локоть давно прошёл, но Ли Жань всё ещё дрожал. Дрожь была едва заметной, лишь кончики его вьющихся волос подрагивали, словно мерцающие звёзды.

Так ведёт себя котёнок, попавший в новый дом.

Настороженный, но совершенно безобидный.

Если бы не риск опоздать и необходимость договариваться о возмещении ущерба, юноша ни за что не сел бы в эту машину.

...но он действительно опаздывал.

«Как извиниться перед таким важным человеком? Выдержит ли он его гнев? Сколько стоит этот «Куллинан»? Неужели придётся продавать себя в рабство? Сможет ли он расплатиться, работая десять лет после окончания школы?»

Семнадцатилетний школьник по дороге на учёбу влез в огромные долги. До тридцати лет у него точно не будет ни своего дома, ни машины...

Будущее рисовалось в самых мрачных тонах. Ли Жань, охваченный отчаянием, ещё крепче прижал к себе рюкзак. Он был послушным мальчиком, который боялся нарушать любые правила, будь то школьный устав или законы государства.

Думая о возмещении ущерба, он мог представить только десять лет каторжного труда, совершенно забыв, что виноват в случившемся был не он.

Он просто считал себя неудачником.

Господин Чи усмехнулся. Мальчик был так напуган, но всё равно боялся опоздать. С тех пор как юноша с видом смертника сел в машину, мужчина не удостоил его ни единым взглядом, сосредоточившись на одном из документов.

— Не помнишь меня?

Вопрос, брошенный как бы невзначай, смешался с шелестом бумаг и в тесном салоне прозвучал особенно отчётливо, хотя и походил на слуховую галлюцинацию.

Прошла долгая пауза. Шэнь Шу молчал, и Ли Жань наконец понял, что господин Чи обращается к нему. Волоски на его затылке шевельнулись, и он с опозданием повернул голову.

Чи Мо не поднимал глаз, сохраняя всё то же холодное, бесстрастное выражение лица. Линия его подбородка была такой же острой и резкой, как и его непроницаемый вид.

Он не походил на человека, который станет заводить светскую беседу. Скорее, на призрака, явившегося за душой. Такого, что сдерёт с тебя кожу, выпотрошит, сожрёт без остатка, не оставив и косточки.

— ...А? — дрожащим голосом переспросил Ли Жань.

Оставшаяся часть пути, которая на велосипеде заняла бы десять минут, на машине пролетела ещё быстрее.

Мужчина закрыл папку с документами. Бумаги, которые он так долго просматривал, остались идеально гладкими, без единой складки. Лишь уголок одного листа был чуть-чуть загнут, и он придавил его большим пальцем.

Стараясь смягчить свой взгляд, он попытался придать ему отеческое, доброжелательное выражение, но получилось не очень.

— Пять лет назад я уже был здесь.

Ли Жань растерянно захлопал глазами, пытаясь что-то вспомнить. Память заржавела. Он ничего не мог вспомнить.

Осмелев, он спросил:

— ...А потом вы куда-то уехали? Я вас не видел.

Его голос был тихим, как писк комара. Обычный человек, скорее всего, переспросил бы, но Чи Мо не был обычным.

— За границу, — ответил он.

Это слово стало ключом.

Память тут же перенесла юношу в детство. В то время его родители были на грани развода и ссорились при каждом удобном случае.

Бай Цинцин с малых лет учила его не быть похожим на отца — бесхребетного неудачника, который и двух слов связать не мог.

Чем бы она ни была занята, она всегда находила минутку, чтобы указать на элитный район напротив и с гордостью заявить, что именно там Ли Жань будет жить, когда вырастет.

В её планах он был гением, который с лёгкостью станет первым учеником, завоюет все олимпиады по математике и физике, без труда освоит английский и в конце концов уедет учиться за границу, чтобы вернуться на родину признанным авторитетом в своей области, человеком высшего круга.

Но Ли Жань был обычным ребёнком. Весь его ум ушёл в красоту.

В тот год, отчаянно не желая, чтобы мама уходила, он решил, что ему нужно научиться говорить красиво и убедительно.

Когда из элитного района вышла элегантно одетая пара с сыном, Ли Жань услышал, что они уезжают за границу. Лица родителей были полны ласковых уговоров, а на лице мальчика застыло упрямое выражение. Он явно не хотел уезжать.

Ли Жань, потянув маму за руку, впервые собрался с духом и, выпятив грудь, обратился к незнакомцам:

— Но он же не хочет ехать. Зачем вы его заставляете?

В тот день его словно подменили. Он смело высказывал своё мнение, но при этом чувствовал себя ужасно неловко. Его маленькое личико покраснело, а в больших глазах заблестели слёзы.

Он ещё не начал сражаться, а уже был готов расплакаться.

Он всего лишь хотел похвастаться перед мамой своим красноречием, доказать, что он не бессловесный тюфяк. Но, слишком торопясь, он сбился с пути и понёсся по волнам безумия.

Он называл женщину то сестрой, то тётёй, то госпожой, а мужчину — то братом, то дядей, то юношей, и в конце концов даже обратился к ним «потомки», смешав всё на свете.

Когда они, озадаченные, спросили, кто он такой, мальчик вступил с ними в спор, заявив, что это неважно, главное — слушать, что он говорит. Его несло, и это было ужасно.

Когда приступ красноречия закончился, Бай Цинцин посмотрела на него с удивлением. Она не знала, как реагировать на этот странный ритуал.

— Ты их знаешь? — спросила она.

— Нет... — всхлипнул Ли Жань.

Щёки его матери вспыхнули. Она присела, притянула сына к себе, перевернула его лицом вниз, крепко зажала между колен, сдёрнула с него штаны и отшлёпала.

Закончив, она элегантно поправила причёску и с извиняющейся улыбкой сказала:

— Мой сын пошёл в отца, он немного не в себе. Прошу прощения.

Детское самолюбие Ли Жаня было растоптано и похоронено под распухшей от шлепков попой. Присутствие посторонних и их удивлённые взгляды заставили его почувствовать, что он больше никогда не сможет показаться людям на глаза. Он зарыдал так громко, что, казалось, содрогнулись небо и земля.

С тех пор, за исключением необходимых походов на рынок, он больше никогда не разговаривал с незнакомцами. Боялся, что его снова понесёт.

— Вспомнил? — спокойно спросил Чи Мо, разглаживая загнутый уголок документа, пока тот не стал идеально ровным.

Он с интересом наблюдал, как изящное лицо Ли Жаня заливается краской.

Подросток теребил рюкзак, его ногти побелели от напряжения. Ему казалось, что его бросили в кипящий котёл, а глаза Чи Мо — это раскалённое масло, на котором он поджаривается, мечтая провалиться сквозь землю.

К счастью, холодное выражение лица господина Чи не содержало и намёка на насмешку. Юноша понял, что тот просто констатировал факт их давнего знакомства, и мучительное смущение немного отступило.

Так вот, оказывается, Чи Мо, уезжавший тогда с родителями за границу, вовсе не был

упрямым. У него просто было такое лицо. Всегда серьёзное, без тени улыбки.

Его резкие брови, тёмные глаза и высокий нос создавали впечатление неприступности, а бледные губы казались холодными. Если бы сейчас за окном бушевала гроза, Чи Мо идеально вписался бы в роль призрака из фильма ужасов.

Такого, который всегда получает то, что хочет.

— Да... я вас помню, — со стыдом пробормотал Ли Жань, опустив голову. — Я тогда был маленький, простите.

За три-четыре минуты поездки он наконец увидел школу. Осознав, что они знакомы, парень с удивлением обнаружил, что слова, которые он не решался произнести, теперь готовы сорваться с языка.

— Господин Чи, я не нарочно поцарапал вашу машину... я всё возьму, — сказал Ли Жань. При мысли о баснословной сумме у него снова потемнело в глазах, но он твёрдо добавил: — Когда всё посчитаете, скажите, пожалуйста, сколько я должен.

— Хорошо, — безразлично ответил мужчина.

— Можно в рассрочку? — с тоской в голосе тихо спросил Ли Жань.

— Посмотрим, — ответил Чи Мо.

— ...Ох.

«Куллинан» подъезжал к школе. Ли Жань, боясь привлечь к себе внимание, попросил высадить его у обочины. Поскольку машина была не его, просьба прозвучала робко, почти шёпотом.

Чи Мо услышал:

— Хорошо.

Шэнь Шу остановил машину.

До звонка оставалось шесть минут, и Ли Жань приготовился к спринту. Перед тем как выйти, он нащупал в кармане куртки что-то твёрдое.

Человек, казавшийся таким далёким и недостижимым, принял его извинения и не стал требовать немедленной компенсации. Он был настоящим добряком. Нужно было его как-то

отблагодарить.

Ли Жань выдохнул, собираясь с духом.

— Господин Чи.

Чи Мо посмотрел на него:

— Да.

— У вас есть яйца? — спросил Ли Жань.

И, не дожидаясь ответа, добавил:

— У меня есть два... Хотите?

Чи Мо замер, на его лице отразилось странное выражение.

Он посмотрел на губы Ли Жаня — алые, красивой формы, с ярко выраженной ложбинкой. Он не мог понять, как такой с виду приличный мальчик мог задать столь возмутительный вопрос.

Он нарывается?

Когда Ли Жань достал из кармана два больших красных яйца, протянул их господину Чи, а затем выскочил из машины и помчался в сторону школы, мужчина так и не произнёс ни слова.

Он не знал, что эти яйца предназначались в качестве взятки дикому коту, а достались ему.

Сидевший за рулём Шэнь Шу вдруг разразился хохотом, запрокинув голову.

— Ха-ха-ха, умереть не встать! Он, оказывается, яйца в кармане носил! А я-то уж подумал, что эти подхалимы, которые так и лезут к тебе в постель, и сюда добрались. Оказывается, он не про те яйца говорил... Ха-ха-ха-ха-ха-ха, го-го-го-го-го...

Он гоготал, как гусь.

Мир взрослых грязен и порочен. Ли Жань, даже если бы и задержался, не сразу бы понял, в какую неловкую ситуацию попал. А услышав смех Шэнь Шу, он наверняка бы всю ночь проплакал в подушку.

И больше никогда бы не показывался людям на глаза.

Шэнь Шу протянул руку:

— Дай мне одно. Я не завтракал.

Мужчина убрал яйца.

— Отвали.

— Прямо как собака, которая еду охраняет, — с укором сказал Шэнь Шу. — Подумаешь, яйцо.

Он завёл машину.

— Лучше бы тебе никогда не жениться. Боюсь, твоя жена такого не выдержит.

— Почему? — поинтересовался Чи Мо.

— Если ты так за еду держишься, то жену свою в клетке закроешь. Не будешь выпускать из дома, запретишь видеться с людьми, заставишь сидеть голышом и ждать тебя. Ты просто маньяк, Чи Мо.

— Да. К счастью, у меня нет жены, — из вежливости к другу согласился Чи Мо, делая вид, что вздыхает с облегчением. — Номер машины зарегистрирован, заезжай.

«Куллинан» поехал дальше и въехал на территорию школы, где его уже встречал лично директор.

<http://bllate.org/book/15969/1441351>